

Воспоминания Ирены Вейсайте

Клип 1:

Мои родители... они жили в Каунасе, они были зажиточными людьми. Мой отец был бизнесмен. Моя мама окончила экономическую школу, потом она училась в университете праву, юриспруденции, но она не работала, так как ей не нужно было, отец содержал её. А когда пришла... (они развелись в тридцать восьмом году)... а когда пришла советская власть, конечно, она пошла работать.

Клип 2:

Вошли немцы, ну, был очень красивый вечер, потому что кончили школу. Абитуриенты все ходили по улицам, думали о своём будущем. Был очень тёплый день. Моя мама была в больнице, я с ней проводила там много времени. Мы жили не очень далеко от этой больницы, так что на ночь я уходила к себе, домой. Вот, и в 4:00 ночи я проснулась, слышала... ну, как будто... гром. Я даже не поняла, в чём дело. Заснула опять. И потом утром, когда я встала (уже у нас была коммунальная квартира, уплотняли), и мне сосед сказал, что началась война. И тогда я уже слышала речь Молотова, кажется, который объявил, что война, и уже была бомбардировка. И моментально изменилось настроение. Побежала в больницу, к маме, там и провела эти первые дни, меня не выгнали. Я помогала сёстрам, потому что сразу появились красноармейцы, которые были ранены.

Клип 3:

И последняя наша встреча, которая стала... оставила очень глубокий след в моей жизни. Я конечно всё то, что мама мне говорила, поняла только гораздо позже. Ну, что она мне сказала, кроме там, таких бытовых вещей, там, что, всё будет хорошо, и так далее, она мне сказала, чтобы я, там, к кому пошла просить, что она никогда ничего плохого не делала, и не была членом партии, и так далее. И она мне сказала, что, “ты всегда живи по своим возможностям. Не проси ни у кого. Продай вещи, которые есть, но живи самостоятельно, по своим возможностям”. И всю жизнь... Второе, что она мне сказала, “Живи всегда с правдой”, и третье, что она мне сказала, “Никогда не мсти.”

Клип 4:

И её арестовали, и её убили, наверное, на Седьмом Форте. Был приказ 15 августа, чтобы все до 15 августа переехали в гетто. Надо было поменять квартиры с теми,

которые жили в..., по-еврейски это называлось Слободка, там была и религиозная школа, которую... я ничего о ней не знала. Я ещё в начале поехала, переехала в гетто с тётей, которая была вдовой брата мамы, имела маленького сына Лёвенку, а я была такой самостоятельной девицей, и я хотела им помогать. И они были совершенно беспомощные. Я ходила, снимала свою звезду, ходила в литовские магазины, потому что в еврейских магазинах ничего не было, нельзя было ничего купить. Я очень хорошо говорила по-литовски, это меня спасло. Знаете, тогда было такое мнение, что ли, все евреи имеют акценты, говорят как, как-то так поют, и не выговаривают "р" или ещё что-то такое. Потом не все были зверьми, несколько раз меня из литовской очереди выгоняли, или ты жидовка, так сказать, laĩk, вон! Большею части никто ничего не говорил, я получала свою буханку хлеба и отвозила её.

Клип 5:

Сталкивались ли с антисемитизмом до прихода немцев?

Я лично не сталкивалась никогда, но вот, скажу, мой двоюродный брат, который учился в университете, он был на факультете архитектуры, в школе он тоже никогда не сталкивался с этим, но там были уже такие выпады, которые были и в Польше. И студенты требовали, чтобы евреи сидели на задних скамьях. Чтобы им... Ну там уже были, кстати, против еврейских студентов, это я помню, как мой брат, мой брат рассказывал. Но конечно антисемитизм, он был, но он особенно усилился, конечно, насколько я уже знаю из истории, не по личному опыту, он усилился в конце тридцатых годов только после того, как Гитлер пришёл к власти, и потом появилась конкуренция между еврейскими торговцами и промышленниками, бизнесменами и литовцами, кооперативы уже литовские создавались, которые, которые мешали еврейским, так сказать. Евреев было очень много в Литве и в городках жила масса евреев, в некоторых даже больше, чем литовцев. И они владели во многом и торговлей, занимали, были, врачами, адвокатами там, но я бы не сказала, что очень много было, очень приличных, и очень, ну так-то как-то дружески жили в этих городках.

Клип 6:

Осенью сорок третьего года я получила письмо от... то есть, не по почте, конечно, а через людей, через бригаду, которая работала в городе. Мне Онуте, большая приятельница моих родителей, совершенно замечательная женщина, которая вышла замуж за офицера литовского. Они меня нашли, и она мне написала, что они мне готовят документы, и что я должна уйти из гетто, потому что у меня нет

будущего в гетто, и чтобы я к этому готовилась. Я, конечно, не хотела, потому что, как я оставлю дедушку и (бабушка уже умерла к тому времени). Дедушку, и тётю, и моего двоюродного брата и своего и... Мне было уже тогда сколько, в 43 году мне было уже 15 лет, и у меня была первая любовь. Но все говорили, что всё равно мы не можем все разом спастись, что надо по одному, что они тоже постараются найти какие-то места и в общем сказали, чтоб я ушла. И я тогда согласилась.

Клип 7:

Я ушла из гетто с бригадой вечерней. Ну и меня не посчитали. А... у меня... я тогда не пришила эти звёзды, а они были только пристёгнуты. И тогда я их сбросила, и кто-то меня со спины снял. И вот самый страшный был момент, когда надо было из колонны выйти на тротуар. Потому что в этот момент могли меня заметить, что я ушла из колонны.

Евреям запрещено было ходить по тротуару?

Да. Но я в колонне, вообще, шла. Если бы видели, что я ушла из колонны, так ... Это еще до гетто мы ходили как скот, так сказать. Не могли идти на тротуар. Но там уже никто не ходил. Все были в гетто. Мне надо было перейти туда. Ну, это был самый страшный момент. И я только думала о том, чтобы не спешить, покойно, чтобы не вызвать подозрение. А знаете, хочется бежать. Но я как-то удачно... Вот, осталась жива. Но на мосту, где Онуте должна была ждать меня, она не ждала, ... я с опозданием вышла на два часа. Ну, и тогда я прошла через город. И... я знала, где они живут, но не знала квартиры. И тогда я позвонила в ... И оказалось, что я позвонила в квартиру сторожа. Но было темновато. А сторожа, они были самые опасные, потому что очень многие из них служили гестапо. И доносили. Но опять меня спас литовский язык. И ... наверно, так я думаю. Но когда я сказала Онуте и Йозасу, что я была в квартире этого самого сторожа, то они дико испугались. Не спали всю ночь. У них было двое детей.

Клип 8:

Что их ждало, в случае, если бы вас нашли?

Их бы застрелили... расстреляли вместе со мной. Это все святые люди, абсолютно святые люди. Если вы их спросите, почему они это делали, они просто никогда не вам даже не объяснят. Это они просто считали, что иначе нельзя. Вот теперь начали их в Литве тоже как-то ценить, признавать, награждать и, может быть, я надеюсь, поставят памятник, ещё пока ни одному нету памятника.

...ни одному?

Нет, пока нет. У меня сложилась мысль, что для того, чтобы убить тысячи людей, нужно только два человека с автоматами, и они ничем не рискуют кроме своей души. А для того, чтобы спасти одного человека, нужна необычайная храбрость очень многих. Меня тоже спасали, многие спасали, я всех даже не перечислю. Но главными были...

Какая фамилия?

Стремайтис.

Клип 9:

Я хочу ещё одну вещь вам сказать, чтобы вы поняли, что Литва жила под стрессом депортаций, которые происходили с начала 14 июня и длились почти до начала войны. Просто приходил этот самый грузовик, велел собирать вещи за час и вывозил в животных вагонах, в них скот везут, в Сибирь. И это был такой шок. Вывозили евреев, вывозили кого хотите. Даже процентально евреев больше, но впечатление было, были среди НКВД-истов было может быть и несколько в администраций, а Геббельс это всё использовал, что евреев..., и такая ненависть к евреям была страшна.

Клип 10:

Кем вы стали после войны?

Я окончила, мне надо было бежать из Вильнюса, потому что КГБ хотела из меня делать информатора, я не хотела. Кроме того, я... мой отец за границей, меня бы выбросили из университета, я ходила всё время по тюрьмам и носила еду, и была в общем, таким чуждым элементом, меня бы выбросили из университета. Мне сказали, что на Комсомольском собрании, это обсуждали. Тогда мне посоветовали уехать в Москву, там у меня были дядя и тётя, я поступила на заочное отделение Московского университета, так как я очень хорошо училась, то меня приняли через полгода на стационаре. Я окончила Московский университет по германистике. Меня спрашивают всегда, почему я выбрала немецкий после войны, но я никогда не отождествляла немецкой культуры с нацизмом. Так что для меня это не было проблемой. Наоборот, мне хотелось как-то увидеть что-то хорошее.

Клип 11:

Я никогда не говорю литовцы, потому что в то же, в одно и то же время, это не моя мысль, а моего коллеги, журналиста, Зигмаса Виткуса, который очень хорошо сказал, в то же время был Импулявичюс, литовец, который расстреливал евреев, и в то же время была Шимайте, которая спасала, рисковала своей жизнью, попала в Гестапо, была осуждена на смерть, и чудом осталась жива, и оба литовцы. Всегда, никогда нельзя обвинить народ, так же как нельзя обвинять евреев, были евреи коммунисты, но не они создали Советскую власть. Так что осуждать очень легко, и если никогда не осуждать народ, виновен всегда конкретный человек. А конечно мне очень обидно, я сама себя идентифицирую, и как наверное, в первую очередь, я еврейка по рождению, я литовка, потому что я здесь жила, здесь работала, и литовская область, литовской культуры и она мне близка, и этот народ мне близок. Я тут и родилась, мне эта страна близка. Я никогда отсюда не уезжала и меня спасали, понимаете? Я видела много добра, это меня тоже спасло и может быть слова моей матери, которые меня спасли. Мне кажется самое страшное, это заразиться ненавистью. Тогда вот я считаю, что если заразишься ненавистью, значит выиграли войну Гитлер и Сталин. Нельзя.